

Московский центр Русского географического общества периодически организует и проводит научные студенческие конференции по топонимике. В сборник помещены несколько работ аспирантов и студентов — участников этих конференций. Тематика статей разнообразна: о календарных датах в английских топонимах (*В. В. Алматов*), о микротопонимии некоторых сельских поселений Судогодского района Владимирской области (*Е. А. Лукьянова*), о стратиграфических пластах топонимии Чайного пути на территории Бурятии (*Т. С. Доржиева*), о функционировании суффикса *-ск-* в русской топонимии (*М. А. Цеханович*).

Последним разделом дан список отечественной литературы (статьи, монографии, авторефераты, словари, справочники и др.) по ономастике за 1993–2008 гг. Без сомнения, список изданий последних десятилетий преимущественно на русском языке будет полезен исследователям. Вместе с тем данный перечень, к сожалению, не в полной мере отражает все то, что вышло из-под пера исследователей ономастики за 16 лет. Фрагментарно, например, представлены авторефераты диссертаций, труды некоторых современных ономастологов перечислены с серьезными лакунами.

Сборник «Современная топонимика» безусловно обращен к широкой читающей и мыслящей аудитории и имеет большое значение для популяризации ономастики вообще. В нем найдут для себя много полезного и специалисты, посвятившие себя изучению ономастики в разных областях знания (лингвисты, географы, историки), и все те, для кого не безразличен мир географических названий.

В. Л. Васильев

Рукопись поступила в редакцию 10.06.2010 г.

Пахомова С. М. Історія російської антропонімії : посібник для спецкурсу / С. М. Пахомова. — Ужгород : Ужгородський національний університет, 2006. — 64 с.

Новая книга С. Н. Пахомовой «История русской антропонимии : пособие для спецкурса» является закономерным результатом многолетнего труда автора в области славистики. Предыдущие монографии исследовательницы — «Эволюция антропонимных формул в славянских языках» (Еволюція антропонімних формул у слов'янських мовах. — Ужгород, 1999) и «Экстралингвальные факторы в контексте развития славянских антропосистем» (Екстралінгвальні фактори у контексті розвитку слов'янських антропосистем. — Ужгород, 2003) — оказали заметное влияние на развитие современной славянской антропонимики.

Рецензируемая книга состоит из двух разделов. В первом — «Восточнославянская антропонимическая система X–XIII вв.» (Східнослов'янська антропонімічна система X–XIII ст.) — рассмотрен ряд ключевых проблем, касающихся исторического развития антропонимии восточнославянских народов: а) однолексемные онимы как ядро древнерусской антропонимосистемы; б) распространение христианства как фактор трансформации антропонимосистемы; в) формирование антропонимных формул.

С. Н. Пахомова аргументированно отстаивает мысль о том, что основным способом идентификации лица у восточных славян в X–XIII вв. был однолексемный. На базе статистических подсчетов автор внимательно анализирует период антропонимного дуализма, т. е. время, когда в устной и письменной речи сосуществовали славянские и христианские имена. Распространение христианства обусловило качественную перестройку антропонимической системы восточных славян. Это проявилось как в смене репертуара имен, так и в расслоении именника и противопоставлении христианских имен традиционным бытовым личным именам. С. Н. Пахомова права, утверждая, что христианизация восточнославянского антропонимикона ощутило его обеднила, поскольку внимание церкви было сосредоточено не столько на строгом соблюдении церковного календаря, сколько на запрете языческих имен. Автор обосновывает вывод о том, что «резкое сокращение употребления дохристианских имен совпадает по времени с резким скачком удельного веса многокомпонентных названий. Этот скачок произошел в XIV в. Таким образом, можно утверждать, что одной из причин расширения употребления многолексемных названий было обеднение восточнославянского именника» (с. 11).

В подразделе 1.3 «Формирование антропонимных формул» (Формування антропонімних формул) автор делает ряд выводов, имеющих важное значение для объяснения предпосылок возникновения российской антропонимической системы. С. Н. Пахомова справедливо утверждает, что выход из употребления патронимов с суффиксом *-jь был обусловлен не функциональными ограничениями данной модели, а массовым выходом из употребления производящих основ в форме исконно славянских имен; на смену суффиксу *-jь приходят притяжательные суффиксы -ов/-ев с патронимическим значением.

В пункте 1.3.6 антропонимформула «имя + оттопонимное определение» справедливо относится к социально ограниченным, употребляющимся только в княжеской среде. Вместе с тем С. Н. Пахомова допускает определенную неточность, распространяя дальнейшую судьбу этой формулы на всех восточных славян: «Казалось бы, этот тип именованний мог послужить в будущем важным ресурсом для образования фамилий. Но этого не случилось, в отличие, например, от польской и македонской антропонимии. Это можно объяснить большей социальной ограниченностью такого типа именованний у в о с т о ч н ы х (выделено нами. — *Р. О.*) славян. Круг производящих основ для оттопонимных определений на -ск- ограничивался лишь географическим перечнем княжеских уделов, в то время как, скажем, у поляков базой для образования подобных прилагательных могли служить и название местности, и название поместья, даже патронимическое именование»¹ (с. 22). В качестве возражения заметим, что и название местности, и название поместья, и патронимическое именование активно использовались для образования оттопонимических определений на -ск- у украинцев в XVI–XVIII вв. Это отражено и в Описях украинских замков 1545 г. [ЛМ], и в Реестре Войска Запорожского 1649 г. [Реестр], и в других памятниках письменности, изданных на Украине в последние годы. В XVI–XVII вв. украинские прозвищные названия на -ск-/-ськ- приходили на смену описательным именованьям типа *Ми(и) з Блотниці*, т. е. обозначали человека по месту предыдущего проживания. Как замечает В. А. Горпинич, «в конце

¹ Здесь и далее перевод цитат наш. — *Р. О.*

XVI и начале XVII в. этот способ номинации (с помощью относительных прилагательных на *-ский*. — *Р. О.*) по месту проживания, рождения и по происхождению был очень активным» [Горпинич, 183–184]. Это подтверждают и фамилии выходцев из восточных и центральных украинских земель Среднего Поднепровья — переселенцев на воронежские земли: *Білоцерківський, Броварський, Васильківський, Гадяцький, Хорольський, Черкаський* и др. [Солонська, 240]. Таким образом, украинские прозвищные именованья и фамилии на *-ський* еще требуют отдельного изучения.

В пункте 1.3.7 имеются интересные наблюдения о трехлексемных антропонимоформулах. Автор справедливо утверждает, что их употребление в древнерусском языке зависело от ряда факторов, главными из которых были имущественное и общественное положение человека, а также цель сообщения, в котором использовалось именованье. В целом же, по наблюдениям исследовательницы, «репертуар трехсловных именованний вырабатывается различным комбинированием в словосочетании имени, патронима, пропатронима, прозвища, оттопонимного определения, дериватами от имен различных родственников, каждый из которых может иметь разное грамматическое проявление» (с. 24).

С. Н. Пахомова завершает первый раздел весомыми и точно сформулированными выводами. Мы полностью согласны с автором в том, что восточнославянская антропонимия X–XIII вв. — это симбиоз отживающей традиционной однолексемной антропонимической системы и новых направлений в способах и средствах идентификации лица.

Во втором разделе — «Развитие антропосистемы в старорусском языке» (Развиток антропосистеми у староросійській мові) — рассмотрен комплекс проблем, связанных со становлением российской антропонимии: личные собственные имена в памятниках письменности и речевой практике; соотношение между одно- и многолексемными именованьями; антропонимная формула и социальный статус называемого лица; переход к трехлексемным именованьям; типичные трехлексемные антропонимоформулы; формирование фамилий; изменения в синтаксической структуре антропонимного сочетания.

Как и у белорусов и украинцев, у русских сохранилась и продолжилась праславянская традиция деривационного суффиксального размежевания одинаковых имен. Однако такое преодоление тезоименности у русских оказалось недостаточным. На протяжении XIV–XVIII вв. ядро антропонимикона текстов делового содержания составляют не однолексемные антропонимы, как это было ранее, а антропонимоформулы. В деловых текстах этого времени численно преобладают социально нейтральные двухлексемные наименования; расширяется социальный диапазон и трехлексемных формул, в результате чего они утрачивают социальную ограниченность и также становятся (относительно определения общественного статуса их носителя) социально нейтральными.

Конечно, социальное расслоение получало отражение в русской антропонимии XIV–XVIII вв., однако социальный признак проявлялся не в количественном составе антропонимоформулы и не в наличии в ней определенной антропонимической категории, а в грамматической форме выражения некоторых компонентов (например, социальную коннотацию имели патронимы на *-ич, -ович/-евич*). Идентификация крестьян и ремесленников трехлексемными (и даже четырехлексемными) антропонимоформулами становится в XIV–XVIII вв. обыденным явлением, т. е. в старорусский период количество компонентов уже не было тем критерием, по которому можно было судить

об общественном положении субъекта именованья. По мнению С. Н. Пахомовой, именно социальная нейтральность трехлексемных именованья была одной из наиболее важных предпосылок того, что в русском языке в дальнейшем утвердилась именно трехлексемная официальная антропонимическая формула.

Логика развития антропонимической системы русского языка состоит в переходе от двухлексемных именованья к трехлексемным. Именно в рамках антропонимических формул выкристаллизовались фамилии. Внеязыковым фактором их развития было усложнение государственной структуры: рост феодального землевладения, миграции населения, сосредоточение его в городах, торговля, суд, армия, оплата и учет налогов и т. п. — все это требовало четкой идентификации личности в обществе. Потребность в языковом знаке, подтверждающем наследственные права, возникала одновременно в разных слоях общества, поэтому фамилии формировались в разных социальных группах в разное время: у князей и бояр — в XIV–XVI вв., у дворян и купцов — с XVI в., среди основной части населения (жителей городов, зажиточных крестьян) — в XVII–XVIII вв., у священнослужителей — в XVIII–XIX вв., в среде наиболее бедного крестьянства — только в XIX в.

Третий компонент в составе трехлексемной антропонимической формулы начинает согласовываться с личным именем лишь в 4–5-м поколениях. По мнению С. Н. Пахомовой, переход генитивной несогласованной формы в согласованную позволяет утверждать, что третий компонент отвечает уже не на вопрос *чей? кого?*, а на вопрос *кто?* и тем самым трансформируется из родового названия в фамилию. Русское антропонимическое сочетание XV–XVI вв. еще не было устойчивой синтаксической конструкцией, о чем свидетельствует возможность разрыва ее оболочки предлогами. В письменных источниках конца XVII — нач. XVIII в. примеры расчлененного функционирования компонентов антропонимического сочетания уже не фиксируются и в косвенных падежах предлог ставится лишь один раз — перед всем сочетанием. Таким образом, приобретение русскими антропонимическими формулами качества синтаксически устойчивого сочетания произошло в XVII в.

По второму разделу С. Н. Пахомова делает глубокие и точные выводы, суть которых сводится к следующему.

1. В XIV–XVIII вв. основная масса славянских имен переходит в разряд прозвищ. Репертуар христианских имен довольно беден, и ситуация, когда множество людей носит одинаковые имена, требует разрешения. Поэтому после XIII в. для идентификации личности используются многолексемные антропонимы; наиболее употребительной в XIV–XVI вв. является формула «личное собственное имя + патроним». Необходимость использовать в официальном стиле календарные имена приводит к тому, что указанная формула заполняется ограниченным числом онимов, и это делает ее идентификационно недостаточной. Поэтому со 2-й половины XVII в. в старорусских текстах начинают преобладать трехлексемные антропонимические формулы, третий компонент которых является славянским по происхождению.

2. Развитию двухлексемной антропонимической формулы у русских стали помехой две тенденции. Первая — исключительно высокий уровень христианизации официального именника, его сокращение и массовая тезоименность, что в масштабах обширного по территории государства делало невозможным точное определение лица в рамках двухлексемной формулы. Вторая — эксплицитный характер патронимичности и большое

разнообразии средств ее выражения, что впоследствии послужило причиной развития социальных коннотаций некоторых моделей патронимов. В результате этого патронимы на *-ич* некоторое время испытывали социально-сословные ограничения при использовании в рамках делового стиля. Это происходило в период формирования русских фамилий, а следовательно, делало невозможным закрепление патронимов на *-ич* в роли фамилий.

В подтверждение правильности мысли автора приведем такой общеизвестный факт: фамильные именованья казаков — послов Богдана Хмельницкого — на *-ович/-евич* писари Московского государства XVII в. переименовывали на *-овь* или образовывали описательные именованья с компонентом *сын*. Как отмечает В. К. Чичагов, в списке из грамоты Богдана Хмельницкого 1652 г. упоминается об отправке в Москву «посла ... Самуила Богдановича». В московских же документах посол постоянно именуется *Самойло Богданов*. Купец из г. Нежина *Корний Ананевич* в соответствии с действующей тогда нормой именуется *Корнюшка, Ананьин сын* [Чичагов, 47–54].

Пособие С. Н. Пахомовой имеет большое значение для украинских и русских ономастов, прежде всего потому, что поколению молодых исследователей передаются те знания, которые были добыты усилиями российских ученых старшего поколения — А. Селищева, В. Чичагова, В. Никонова, А. Суперанской, С. Зинина, Н. Подольской, В. Бондалетова, А. Мирославской, Л. Щетинина и др.

Кроме того, книга ценна тем, что намечает новые перспективы ономастических исследований. В частности, на Украине в конце XX — нач. XXI в. издано немало документов 2-й половины XVII — XVIII в. Часть из них, например «Присяжные книги...» [ПК], «Ревизийная перепись населения...» [РПН], составляли русские писари и иные служивые лица, имевшие на Украине отношение к местному делопроизводству. Они, как отмечает М. Л. Худаш, «встречаясь хотя и с похожими на русские, но все же необычными для себя формами украинских личных названий, часто допускали различные неточности, ошибки и искажения этих названий по русскому образцу» [Худаш, 44]. Это, с одной стороны, означает, что младшему поколению украинских ономастов необходимо разграничить то, что связано с влиянием русских традиций именования, и то, что обусловлено украинской языковой основой. С другой стороны, изданные документы проливают дополнительный свет и на становление русской антропонимической системы. Они, в частности, ярко свидетельствуют о том, насколько русская официальная система именования того времени была далека от собственного народного антропонимикона. Даже при записи личных имен украинских крестьян русские писари конца XVIII в. строго придерживались официальных российских стандартов, пренебрегая народными украинскими вариантами имен. А ведь еще в середине XVII в. (например в «Присяжных книгах...» [ПК] и «Харьковской переписи...» [ХП]) русская официальная антропонимическая система была более открыта, более толерантна к народному именнику — как к своему, так и чужому. Видимо, на протяжении этих полутора столетий (до конца XVIII в.) между официальными и народными вариантами имен была проведена четкая граница, которую старались не переступать.

Таким образом, выход в свет книги С. Н. Пахомовой «История русской антропонимии» является отрядным событием — заметным, актуальным и необходимым в ономастике. Особо следует отметить, что эта работа отличается глубокой научностью, проявляющейся и в прекрасном знании автором исследуемого материала, и в точности

терминологии, и в продуманности статистических подсчетов, и в логике анализа. При этом книге свойственна обоснованная дискуссионность: автор аргументированно и корректно излагает свою точку зрения, при необходимости обозначая суть ее расхождений с мнениями авторитетных исследователей славянской исторической антропонимии. Эта дискуссионность поможет читателям (прежде всего — студентам) увидеть проблемы антропонимики с разных сторон, поможет им научиться самостоятельно обдумывать и анализировать прочитанное. Нельзя не отметить и то, что книга С. Н. Пахомовой, написанная как пособие для спецкурса, полностью соответствует своей задаче. Она не содержит ничего лишнего. И структура работы, и способ изложения материала, и подборка источников и литературы — все подчинено стремлению автора передать молодым исследователям знания по исторической антропонимике.

-
- Горпинич В. О.* Слов'янська ад'ектонімія і катойконімія. Дніпропетровськ, 2003.
ЛМ — Литовська метрика. Кн. 561 : Ревізія українських замків 1545 року. Київ, 2005.
ПК — Присяжні книги 1654 р. Білоцерківський та Ніжинський полки. Київ, 2003.
Реєстр — Реєстр Війська Запорозького 1649 року : транслітерація тексту. Київ, 1995.
РПН — *Легун Ю., Петренко О.* Ревізійний перепис населення 1795 р. : Брацлавська губернія. Вінниця, 2003.
Солонська Г. Т. До вивчення українських говірок Воронежчини та їх зв'язку з іншими діалектами української мови // *О. О. Потебня і деякі питання сучасної славістики.* Харків, 1962. С. 238–250.
ХП — Харківський перепис р. 1660 : (Перепис Слобожанщини Ф. Т. Пестриковой, С. С. Ушакова) // *Записки історико-філологічного відділу ВУАН.* Кн. XXI. Київ, 1928. С. 129–173.
Худащ М. Л. З історії української антропонімії. Київ, 1977.
Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий : вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв. М., 1959.

Р. И. Остап

Рукопись поступила в редакцию 21.12.2010 г.